

Незаметно подкралась осенняя прохлада. Нога Жуньшэна окончательно зажила, и ребята вместе перешли в пятый класс.

Маганьэр отчаянно завидовал новенькому велосипеду Юйцина и без конца донимал отца, требуя такой же. В те времена велосипед был роскошью, покупкой солидной: на него требовались не только приличные деньги, но и дефицитные талоны. К тому же вещь дорогая — стоило оставить без присмотра, как тут же уведут. Наконец Лао Хэ сдался и пошёл на компромисс: велосипед он сыну всё-таки справил, но на вид тот казался музейным экспонатом, только что извлечённым из кургана.

Маганьэр, конечно, приуныл, но старый велосипед — всяко лучше, чем никакого. Сосед их семейства, мастер Чжан из жестяного цеха, просто не мог спокойно смотреть на это убожество и вызвался помочь. Квалификация у первоклассного рабочего завода № 176 была выдающейся. Велосипед Маганьэра хоть и остался неказистым, но, выражаясь современным языком, стал на удивление хардкорным: все несущие узлы намертво укрепили, шины заменили на широкие, утолщённые. Теперь на багажнике можно было спокойно везти хоть четверть тонны риса.

Чтобы подбодрить товарища, друзья принялись обустраивать его транспорт кто во что горазд. Юйцин приволок из дома гору красной изоленды и плотно, в несколько слоёв, обмотал всю раму. Эрпан ухитрился раздобыть здоровенную заднюю фару величиной с хорошее яблоко и намертво прикрутил её проволокой к крылу. Снабжённая массивными батарейками, ночью она была мощным лучом, словно прожектор. А Жуньшэн преподнёс Маганьэру загадочную коробочку. Её пристроили прямо посреди руля и соединили контактами с тормозом. Теперь при каждом нажатии раздавался такой пронзительный визг, что на дыбы вставал весь двор.

Оседлав этот невиданный панковский гибрид и посадив на багажник Эрпана, Маганьэр принялся гордо щеголять перед публикой. В первый же день занятий они собрали богатую жатву из завистливых и просто ошарашенных взглядов. Слава Юйцина мгновенно померкла, а чудо-аппарат Маганьэра превратился в местную достопримечательность Начальной школы Хунъюань.

С тех пор как у всех появились колёса, срезать путь по старым тропинкам стало невозможно: ухабы там были такие, что отбивали всю охоту кататься. По шоссе выходило дольше, зато ехалось куда ровнее. По утрам, пристроившись к плотной лавине рабочих, кативших на смену, мальчишки чувствовали себя совсем взрослыми.

На велосипедах в школе щеголяли не они одни, так что со временем все колёсные ребята перезнакомились. Стоило сойтись поближе, как они начали сбиваться в компании — кто бы с кем ни дружил, а общие темы находились всегда. Дорог, пригодных для езды, было немного, так что к занятиям они катили одной шумной ватагой. В этих поездках Юйцин с товарищами и открыли для себя неизведанную землю: притаившиеся в окрестных подворотнях залы игровых автоматов и полутёмные бильярдные.

Возле Сиреневого двора таких злачных мест не водилось, и для ребят всё это было в диковинку. На какое-то время бильярдная превратилась в их постоянное пристанище после уроков. Эрпан с Маганьэром пропадали за игровыми автоматами, а вот Эрмяо облюбовал

зелёное сукно бильярдных столов.

В бильярд играют вдвоём. Если Юйцин отказывался составить компанию, Эрмяо приходилось нанимать местного маркёра. Сам он только начинал, за всю партию едва успевал пару раз прицелиться, а потому всякий раз настойчиво тащил Юйцина за собой.

Юйцин, казалось, вообще не умел ни от чего фанатеть. Играть в бильярд ему нравилось, было весело, но если не получалось — он не страдал. А вот Жуньшэн был скроен совсем по-другому. Юйцину даже казалось, что страсть Эрмяо к кию отличалась от слепого азарта геймеров-приятелей. В его увлечении сквозило упрямство на грани безумия, яростное желание во что бы то ни стало подчинить себе эту игру.

Если человек умен и упрям до одержимости, как Жуньшэн, для него нет преград. Очень скоро Юйцин перестал быть ему достойным соперником. Место за столом заняли другие завсегдатаи, сменявшие друг друга в партиях с Жуньшэном. Это напоминало дуэли мастеров боевых искусств из рыцарских романов.

Сам же Юйцин, когда не играл, просил у хозяина колченогую табуретку, устраивался на клумбе у входа и делал уроки. Рассчитав время, он звал Жуньшэна, и они вместе катили домой.

Хозяин заведения не возражал: табуретка — пустяк, да и Юйцин частенько тратил у него карманные деньги. К тому же большинство тогдашних игроков заходили просто перекинуться парой партий, класс их игры оставлял желать лучшего. Жуньшэн же рос над собой на глазах и вскоре уложил на лопатки местных маркёров. Сам того не замечая, он стал живой рекламой заведения, притягивая зевак. Стоило Юйцину заикнуться о доме, как хозяин принимался уговаривать их остаться ещё ненадолго.

Разумеется, удержать их не удавалось: Юйцину не позволяли поздно возвращаться, а Жуньшэн всегда уходил вместе с ним. Но в тот единственный раз, когда они поддались на уговоры, случилась беда.

В тот день Жуньшэн поймал кураж. Он раз за разом обыгрывал взрослых мужчин и, чувствуя азарт, не отходил от стола. Восхищённый зрелищем хозяин расщедрился на бесплатную партию. Жуньшэн тут же подозвал Юйцина, который как раз закончил с домашкой, и предложил сыграть.

Юйцин давно не брал в руки кий, к тому же пальцы онемели от долгого писания, так что игра у него не клеилась. Примечательно, что если с чужими Жуньшэн резался как бог, то с Юйцином его мастерство куда-то улетучивалось. Юйцин думал, что тут как в шахматах: свяжешься с неумехой — сам разучишься играть.

Рядом крутился парень постарше, на вид типичный школьник-переросток. Дымя сигаретой, он без умолку цедил, как убого Юйцин бьёт по шарам, а потом бесцеремонно вызвался «показать класс». И не успел Юйцин опомниться, как наглец вырвал у него кий, вознамерившись сыграть с Жуньшэном.

Зрители вокруг дружно загоготали:

— С таким играть — только на интерес! На бабки!

В местных кругах это означало игру на деньги.

Жуньшэн мгновенно помрачнел. Отложив кий, он сухо бросил:

— Всё, мы уходим.

Но переросток с силой хлопнул ладонью по борту стола:

— Ты чё, брезгуешь мной? Давай партию на десятку!

Жуньшэн проигнорировал выпад и потянул Юйцина к выходу, но парень крепко ухватил его за плечо. Жуньшэн рванулся, однако освободиться не сумел. Тогда он резко развернулся и наотмашь влепил наглецу ладонью по уху.

Этому приёму — бить ладонью «лодочкой» прямо по ушной раковине — его научил дедушка Чжао. Жуньшэн уже пускал его в ход против Бао Ляна. Удар казался простым, но таил в себе немалую опасность: при точном попадании можно запросто порвать барабанную перепонку. Обидчик взвыл, выпустил руку и, зажав ухо, ошалело уставился на мальчишку.

— Псих, — процедил Жуньшэн.

Связываться с кем-то в таком месте было себе дороже. Юйцин потащил его к выходу, но стоило им сделать шаг за порог, как они нос к носу столкнулись с шумной компанией.

У Юйцина похолодело внутри. На пороге стояла банда Сияньэра.

Пострадавший парень мгновенно осмелел и истошно завопил:

— Брат Си, держи его! Не пускай щенка!

Сияньэр совсем перестал походить на школьника. С зажатой в зубах сигаретой он прищурился, отчего его глаза превратились в совсем узкие щелки. Из-за его спины вынырнул Бяньтоу:

— Твою мать, мы тебя всё лето караулили! Так вот ты где засел!

Жуньшэн промолчал. Хулиганы быстро взяли мальчишек в кольцо.

Сияньэр смерил Жуньшэна ленивым взглядом:

— Борзый, значит? С ножом кидаешься? — Он шумно выдохнул сигаретный дым прямо в лицо мальчику. — Пырнул человека и думал, сухим из воды выйдешь, а?

Жуньшэн смело вскинул голову:

— Вы первые полезли.

— Меньше трепись, тварь. Я тебя сегодня живьём закопаю...

С этими словами Сияньэр мёртвой хваткой вцепился в воротник Жуньшэна.

И тут же вспыхнула драка.

Обычно тихий и вежливый Жуньшэн дрался как одержимый. Свора подростков мигом превратилась в орущую, клубящуюся кучу-малу. Хозяин заведения вместе с подмогой бросились их разнимать и с огромным трудом вытащили окровавленного Жуньшэна из свалки. Бизнес любит тишину: хоть публика в бильярдной собиралась пёстрая, наживать неприятности на свою голову никто не хотел.

Под угрозой вызова милиции Сияньэр, злобно пообещав напоследок прикончить Жуньшэна, увёл свою банду. Для Юйцина это стало настоящим громом среди ясного неба: хоть Жуньшэн в самом начале и оттолкнул его в сторону, в общей суматохе Юйцину тоже изрядно прилетело. Благо хозяин бильярдной вовремя вмешался, иначе обоим пришлось бы совсем худо.

У Жуньшэна распухла вся щека, а по виску тонкой струйкой сбегала багровая кровь — ещё бы сантиметр, и угодили бы прямо в висок. Сияньэр бил наотмашь, всерьёз.

Жуньшэн молча коснулся раны пальцами, стянул багровые капли и медленно растёр их на ладони. Юйцин смотрел на него, и внутри у него расплзался липкий страх. Страх не за себя — за друга.

Эрпан и Маганьэр всё ещё увлечённо рубились в автоматы за стенкой. Юйцин порывался позвать их, чтобы возвращаться вместе — всё-таки толпой безопаснее. Но Жуньшэн не позволил. Он тяжело уселся на багажник позади Юйцина и глухо выдавил:

— Не надо. Просто гони быстрее.

Всю дорогу до дома они не проронили ни слова. Лишь когда у забора замаячил Сиреневый дворик, Жуньшэн тихо обронил:

— Надо было взять нож. Больше без него не выйду.

Юйцин не знал, как его утешить. Он открыл было рот, но в этот момент их ослепил резкий свет автомобильных фар.

Из салона вышел высокий мужчина с благородной проседью в волосах и шагнул прямо к ним.

— Что с тобой стряслось?

Жуньшэн поднял голову и опешил. Лицо этого человека почти в точности повторяло его собственные черты. Мужчина сурово нахмурил брови:

— Опять драка?

Жуньшэн словно съёжился, стараясь казаться меньше. Качнув головой, он прошептал:

— Нет, я не дрался. Никогда я не дерусь. Это я с велика упал. Папа... ты вернулся?

<http://bllate.org/book/19415/1955762>